

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.13)*

УДК 101

С.С. Черных*Южно-Российский государственный**политехнический университет**(НПИ) имени М.И. Платова**г.Новочеркасск, Россия*

s.s.chernykh@mail.ru

**ВЛАСТЬ И НАСИЛИЕ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ****[Sergey S. Chernykh Power and violence
in the anthropological dimension]**

The article deals with the specifics of the interaction of power and violence in the anthropological dimension, taking into account the need for cultural and symbolic coercion. It is emphasized that violence can act as an inherent power of creative mastery, which through the definition of goals creates a world of significant (valuable) cultural objects.

Key words: anthropology of power, physical and symbolic coercion, cultural instruments of power, practices of power, resistance, supervision.

Какой бы умной или справедливой не являлась действующая власть, насилие, понимаемое, прежде всего, как способность пересилить сопротивление подвластных индивидов, выступает ее основным ресурсом, позволяющим власти длиться во времени. Способность к справедливому, а, следовательно, легитимному насилию также является важным показателем свободы отдельного индивида защищать собственную жизнь, заниматься творчеством и самосовершенствоваться. «Подвластные потому и остаются подвластными, что они признают власть властвующего, то есть его насилие. Имеет место своего рода делегирование своей свободы подвластными властвующему» [5, с. 238]. Поэтому в зависимости от того, какими физическими и символическими ресурсами сопротивления обладают сами подвластные, будут на практике реализовываться их отношения с инстанциями власти.

Таким образом, присутствие власти в антропологическом измерении предполагает то, что ее носитель (субъект), способный действовать, наделен определенной силой, которая может применяться в отношении подвластных, то есть оказывать разнообразное по форме влияние и изменять поведение других. Ведь всегда легче подавлять собственной волей именно слабых индивидов и гораздо сложнее подчинять индивидов, наделенных сильным духом и телом или более способных к самостоятельному рассуждению. Точно также намного легче вести за собой более слабого (чем ты сам), ведомого индивида.

В данной связи можно согласиться с мнением Э. Гидденса о том, что деятель утрачивает собственную субъектность в случае, «если он или она теряет способность “преобразовывать”, т.е. реализовывать определенный вид власти» [2, с. 56]. Поэтому способность индивида быть субъектом, то есть хоть как-то влиять на события, которые в его силах изменить, свидетельствует в пользу того, что в его распоряжении имеется минимальный ресурс власти над событиями.

Более того, пассивность в определенной степени свидетельствует о подвластности индивида его зависимости, несамостоятельности в действиях и принятии решений. Пассивность и заторможенность может также свидетельствовать в пользу того, что индивид был в значительной степени фрустрирован властью. «Абсолютная» пассивность для нормального человека не переносима, поэтому даже в целом репрессивная власть должна предоставлять подвластному индивиду возможность самостоятельно преобразовывать, изменять мир (быть в чем-то самодеятельным). В данной связи можно также вслед за философом С. Жижekom указать на такой феномен господства и управления человеком как «интерпассивность», возникающей, когда «объект забирает у меня, лишает меня моей собственной пассивной реакции удовлетворения (или грусти, или смеха)» [3, с. 201], тем самым в большей степени подчиняя современного индивида медийным практикам.

Вместе с тем, сам подвластный индивид, напротив, может действовать вполне активно (он «спешит» выполнить приказ), но в этом случае он стремится, как бы слиться с силой и скоростью (превосходящей его собственную силу и скорость) властного импульса, переживая причастность к потоку власти. Здесь можно сказать индивид действует по некоему представлению (которое часто, однако трактовалось как вполне иллюзорное): если чувствуешь, что не сможешь пересилить эту власть, то лучше стать ее частью. Отсюда бе-

рет начало стремление подвластного индивида стать важной частью системы власти, раствориться в ней или выслужиться, и тем самым постараться обеспечить себе моральную основу для бегства от индивидуальной ответственности. Но при этом присоединение индивида к силе еще большей, чем собственная сила и мощь, может рассматриваться как приобретение им власти, способной приводить интенсификации его индивидуального наслаждения.

Насилие, источником которого зачастую является сама власть, проявляется в способности навязывать подвластным (ангажированное властью) видение символического мира и собственное понимание ценностей. В данной связи Ф. Ницше справедливо отмечал, что любой «центр силы имеет по отношению ко всему остальному свою перспективу, т.е. свою вполне определенную оценку, свой способ действия, свой способ сопротивления. Следовательно, “мир явлений” может быть сведен к специфическому роду воздействия на мир, исходящему из какого-нибудь центра» [4, с. 338]. Таким образом, центры силы – власти, создают вокруг себя зоны непосредственного воздействия и опосредованного влияния на подвластных.

Очевидно, что качественный рост современных средств надзора, принятых на вооружение властью, также способен предотвращать физическое насилие или, по крайней мере, его минимизировать. Так, например, если люди перестают верить в то, что за ними непрестанно присматривает всевидящее око Бога, то в распоряжении современной властной машины уже имеются его секуляризованные заместители. Следовательно, и насилие функционирует в антропологическом измерении власти, подчиняясь его культурному (символическому) коду и совокупности всех задействованных в нем сил. Значит, технологический прогресс общества, изобретения и появления в нем новых орудий (труда, войны, контроля) оказывает непосредственное влияние на практики надзора.

Разнообразные виды социальной интеракции, коммуникации и признания насквозь пронизаны властными отношениями, где физическое насилие минимизируется посредством стремления к тотальному контролю и визуализации всего происходящего. Всепроникающий взгляд, осуждающий уже в момент самого надзора, способен остановить преступника, отбить у него охоту действовать подобным образом или, по крайней мере, откорректировать его поведение в сторону большей «виртуальности» его поведения. Так, например, юный экстремист уже не пойдет поздно ночью писать на стенах официальных

учреждений антисемитские проклятия и изображать на них нацистскую символику, зная о том, что в городе практически везде установлены видеокамеры. Отсюда, как утверждал М. Фуко [7], проистекает паноптизм власти, который в образе всевидящего Бога уже присутствовал в дискурсах власти прошлых веков, однако пережил свое возрождение в связи с технологической революцией. Поэтому теперь индивидов стало намного легче «насилловать» всепроникающим взглядом (например, многочисленных видеокамер), тем самым дисциплинировать подвластных посредством практик тотального надзора.

Таким образом, власть, понимаемая здесь как сила, способна наступать, подавлять индивида, то есть действовать в модусе насилия, причем как физического, так и символического, которое от актуальной власти практически невозможно отделить. Но существует также определенный (в широком смысле «болевой») порог насилия, после пересечения которого индивид начинает его воспринимать именно как таковое. Этот порог в зависимости от воспитания и привычек различен у разных людей. Например, отдельные индивиды чувствительны, в первую очередь, к насилию физическому, другие, наоборот, – очень остро воспринимают символическое насилие, творимое в свой адрес, то есть могут быть сильно оскорблены, если власть совершает неприемлемые манипуляции в рамках «идеологии». В последнем случае непослушание и активный протест против власти, включая и физическое насилие со стороны восставших, также может рассматриваться в качестве культурной революции.

Власть стремится к установлению контроля над различными формами насилия, используя его как в собственных интересах, так и в целях поддержания общего порядка. Вместе с тем перед властью стоит задача не превышать определенную дозу насилия в отношении подвластных, в противном случае они могут превратиться в социальных «импотентов», неспособных к какой-либо творческой или самостоятельной деятельности. Ведь это в свою очередь может привести к тому, что в массе подвластных резко возрастет потенциал компенсаторного насилия, направленного в основном на близких и таких же слабых, несчастных людей как и они сами, а порой и на беззащитных животных.

Верно, что чрезмерный садизм власти и правящих элит в отношении как собственного народа, так и отдельных индивидов, увеличивает риски, связанные с компенсаторным насилием. «Только пережив интенсивность и частую повторяемость деструктивного садистского насилия отдельной личности или

народных масс, – писал Э. Фромм, – можно понять, что компенсаторное насилие не является чем-то поверхностным, следствием негативных влияний, дурных привычек и чего-то подобного. Оно является силой в человеке, которая столь же интенсивна и могущественна, как и его желание жить. Она так всесильна именно потому, что является протестом жизни против увечья; человек обладает потенциалом разрушающего и садистского насилия, поскольку он является человеком, а не вещью и поскольку он должен попытаться разрушить жизнь, если он не может ее созидать» [6, с. 26]. Значит, потеряв способности творить (а по сути, превратившись в «импотента»), фрустрированный, таким образом, подвластный индивид начинает искать объект (жертву) для разрядки и компенсаторного насилия, либо прямо обращает его на себя, то есть начинает стремиться к саморазрушению, наиболее радикальная форма, которого ведет к самоубийству.

Авторитет, приписываемый власти, основанной на сложившейся культурной традиции, причем не обязательно религиозной, а вполне секулярной, например, действующей политической традиции, может оказывать постоянное влияние по принципу символического насилия. Ведь в определенной степени власть должна внушать страх и трепет, но не только к физической силе, механическому насилию и откровенной жестокости исполнителей, а к собственным сакральным символам, с которыми она ассоциируется. Подчиняющийся индивид может и в определенной культурной проекции даже должен отождествлять себя с властью и даже гордиться ее могуществом. Это происходит и потому, что индивид может желать приобщиться к самой власти и ее славе, которая также преодолевает время и пространство.

Поэтому эффективность власти измеряется успехом использования, в первую очередь, символического, а не физического насилия, которое может глубоко проникать в память, воображение и моральные установки подвластного. «Слово “легитимный”, если отнести к нему серьезно, уже указывает на символическое измерение насилия, поскольку в идее легитимности заключена идея признания» [1, с. 259]. В ситуации легитимации индивидуальный субъект насилия, действующий в интересах признанной воли, зачастую становится героем, причем героизируются сами его действия (подвиги), которые, напротив, вне рамок легитимности могут рассматриваться в качестве злых, античеловеческих поступков. Даже если в этом случае (когда на-

лицо факт легитимного насилия) власть откровенно убивает, но делает это легитимным образом, то само убийство одного человека или сразу нескольких людей предстает в окружении символов власти и само может восприниматься в качестве символа, например – публичная казнь преступника, если она демонстрируется именно как такое символическое действие, как художественная постановка и как определенного рода искусство.

Таким образом, если в отношении к физическому насилию возможно хоть и с трудом прийти к его общему отрицанию, например, в движении за отмену пыток, то в плане символического насилия ситуация обстоит намного сложнее. Так, например, в последнем случае этические, религиозные, эстетические дискурсы и т.д. могут быть даже объявлены инструментами скрытого насилия или манипуляции. В данной связи М. Фуко причислял к таким латентным дискурсам власти и господства отдельные отрасли современной медицины, которая была реорганизованная в XIX веке в соответствии с определенной нормой, причем последняя конструировалась под воздействием политического сознания эпохи. «Медицина не должна больше быть лишь корпусом техник врачевания и необходимых умений; она станет развиваться как знание о здоровье человека, то есть одновременно об опыте не больного человека и определения идеального человека. В управлении человеческим существованием она занимает нормативное положение, авторизуя не только простое распространение советов о мудрой жизни, но оправдывая его для управления физическими и моральными связями индивида и общества, в котором он живет» [8, с. 54].

Напротив, вплоть до конца XVIII века, как полагал французский мыслитель, врачи при определении диагноза в большей степени ориентировались на общие показатели здоровья, чем собственно на норму. В эпоху же «современности» медицина «располагается в этой пограничной зоне, но для нового независимого человека – в зоне некоего органического, размеренного счастья без страстей и напряжения. Она с полным правом вступает в общение с национальным порядком, мощью его вооруженных сил, плодovitостью народов, терпеливо преступая к своей работе» [8, с. 54-55]. Речь, в первую очередь, идет об специфических медицинских репрессиях, сопровождаемых определенным диагнозом (стигматизации пациента), который, например, мог привести к полному контролю над индивидом путем интенсивного курса медикаментозного лечения, а также ограничения свободы индивида его полной или частичной изоляцией.

Очевидно, что в тоталитарных режимах XX века медицина, в частности – психиатрия, также становится важным репрессивным инструментом насильственных действий власти в отношении представителей оппозиции. Конечно, вышеописанный случай из практики главным образом тоталитарных режимов представляет собой очевидную крайность в использовании медицинских средств, но это не отменяет функционирование самой власти в комплексе с применением ею медицинского насилия. И в настоящее время не желающий соблюдать правила преступник может быть вполне официально признан больным, или напротив не признан таковым в зависимости от политической конъюнктуры.

Таким образом, медик, ставящий очередной диагноз обличен особой властью, теперь он служит в первую очередь не «абстрактной» идее здоровья, а конкретной норме, которую устанавливает и одобряет сама власть, наделившая его этим правом. В данной связи можно вполне говорить о том, что в медицинских (властных) практиках присутствуют сразу два режима насилия: первый – символический, связанный с самой нормой и отклонением, патологией, которая стигматизируется (клеймится), в результате чего пациент превращается в «изгоя»; второй – физический – заключение в больницу, социальная изоляция, медикаментозное лечение, ограничение имущественных прав и т.д. Поэтому не случайно, что сама медицина рассматривается как приоритетная сфера контроля со стороны «гражданского» общества, которое и в этом аспекте стремится противостоять государственной власти.

В заключение проведенного нами анализа власти и насилия в антропологическом измерении важно отметить, что мы не стремились выставлять в данной связи власть исключительно в негативном, то есть «людоедском» по отношению к человеку контексте. Напротив, мы акцентировали внимание на легитимности насилия, присущего власти, а, следовательно, справедливости и необходимости его применения. В результате предпринятого рассуждения можно сделать вывод о том, что насилие является важным инструментом власти, причем легитимное насилие всегда включает в себя насилие символическое. Зачастую сами культурные инстанции власти, действующие на уровне воспитания индивида как вполне «безобидные» практики повседневности, необходимо используют насилие, в той или иной степени тренируя его способность откладывать свое удовольствие на потом, быть терпеливым, внимательным и послушным.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бурдьё П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М., 2016.
2. *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2005.
3. *Жижек С.* Чума фантазий. Х., 2012.
4. *Ницше Ф.* Воля к власти. М., 2017.
5. *Сапронов П.А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001.
6. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
7. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
8. *Фуко М.* Рождение клиники. М., 2010.

R E F E R E N C E S

1. *Bourdieu P.* On the state: a course of lectures at the Collège de France (1989-1992). M., 2016.
2. *Giddens E.* The organization of society: an outline of the theory of structure. M., 2005.
3. *Zizek S.* Plague of fantasies. H., 2012.
4. *Nietzsche F.* The will to power. M., 2017.
5. *Sapronov P.A.* Power as a metaphysical and historical reality. St. Petersburg, 2001.
6. *Fromm E.* The soul of man. M., 1992.
7. *Foucault M.* Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. M., 1996.
8. *Foucault M.* The birth of the clinic. M., 2010.

24 апреля 2018 г.
